

Информация для цитирования:

Поташова К. А. Космическая образность русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков : стратегии изучения / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 211—228. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-211-228.

Potashova, K. A. (2023). Cosmic Imagery in Russian Poetry at Turn of 18th and 19th Centuries: Strategies of Study. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 211-228. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-211-228. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-211-228

**Космическая образность
русской поэзии рубежа
XVIII—XIX веков:
стратегии изучения**

Поташова Ксения Алексеевна
orcid.org/0000-0002-0164-0371
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русской
и зарубежной литературы
kseniaslovo@yandex.ru

Государственный
университет просвещения
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ
проект № 23-78-01016

**Cosmic Imagery
in Russian Poetry at Turn
of 18th and 19th Centuries:
Strategies of Study**

Ksenia A. Potashova
orcid.org/0000-0002-0164-0371
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
kseniaslovo@yandex.ru

State University of Education
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-01016

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков выявляются механизмы поэтического представления образов небесных светил, небесного свода, необычайных космических явлений в аспекте смены художественных парадигм (классицизма и романтизма), особенностей мировидения поэтов и их художественного метода. Проанализированы литературно-критические статьи 1820—1840-х годов и труды литературоведов второй половины XIX—XXI веков. Выявляются основные исследовательские стратегии анализа космической образности русской поэзии указанного периода. Дана оценка существующей методологии интерпретации поэтических произведений Г. Р. Державина и В. А. Жуковского, стоящих во главе ведущих художественных систем рубежа веков, в аспекте постижения образа космической вселенной. Определено, что в литературной критике и науке сложилось три магистральных направления в трактовках образа космической вселенной, а именно: трактовки образов астрономической вселенной как классицистических эмблем, как типичного элемента пейзажа в романтической эстетике, как онтологически наполненных образов. Доказано, что исследование космических мотивов не носило системного по отношению к литературному процессу рубежа XVIII—XIX веков характера.

Ключевые слова:

космическая образность; классицизм; романтизм; литературная традиция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the mechanisms of poetic representation of celestial bodies, the celestial sphere, and extraordinary cosmic phenomena in Russian poetry at the turn of the 18th and 19th centuries in the context of changing artistic paradigms (classicism and romanticism), poets' worldview, and their artistic methods. It analyzes literary-critical articles from the 1820s-1840s and works by literary scholars from the second half of the 19th to the 21st centuries. The main research strategies for analyzing the cosmic imagery in Russian poetry of this period are identified. The existing methodology for interpreting the poetic works of G. R. Derzhavin and V. A. Zhukovsky, who were at the forefront of the leading artistic systems of the time, is evaluated in terms of understanding the image of the cosmic universe. It is determined that in literary criticism and scholarship, three main approaches have emerged in interpreting the image of the cosmic universe: interpretations of the astronomical universe as classical emblems, as typical elements of landscape in romantic aesthetics, and as ontologically charged images. It is proven that the study of cosmic motifs did not have a systematic character in relation to the literary process at the turn of the 18th and 19th centuries.

Key words:

cosmic imagery; classicism; romanticism; literary tradition.

Космическая образность русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков: стратегии изучения

© Поташова К. А., 2023

1. Введение = Introduction

Традиционным является мнение, что космос приобрел особое значение для человечества в XX веке, однако значимые изменения в отношениях «человек — космос» оформлялись уже в античной культуре, а в поэзии второй половины XVIII — начала XIX веков, когда размышления о месте и роли человека в окружающем мире стимулировали не только обращенность внутрь себя, но и вовне, в сферу окружающего мира, приобрели очертаемую наглядность. В творчестве Г. Р. Державина и В. А. Жуковского, стоящих во главе ведущих художественных систем рубежа веков, на высочайшем поэтическом уровне представлена упорядоченная картина физического мира в ее мельчайших подробностях и космической всеохватности, а также воплощены идеи и чувствования человека традиционной русской культуры в ее единстве вселенского и национального. В то же время особенности творческого восприятия и художественного воплощения космического пространства у двух поэтов, принадлежащих к разным литературным направлениям, по-прежнему требуют раскрытия и выработки эффективной методологии анализа, основанной на внимании к средствам создания поэтической образности.

Научная новизна настоящей статьи определяется системным и целостным характером исследования, основанным на выявлении основных исследовательских стратегий при изучении образа динамической вселенной в поэзии рубежа XVIII—XIX века. Несмотря на наличие значительного числа исследований, представляющих ценные наблюдения над космической образностью, которые оценивались и как классицистические эмблемы, и как типичные элементы романтического пейзажа, и как более глубокие, исполненные философского звучания поэтические единицы, пока не проводилось целостное концептуальное исследование, в котором была бы выявлена смысловая наполненность поэтических образов небесных светил. Также отсутствуют и исследования, в которых были бы сведены воедино рассеянные в различных литературно-критических и литературоведческих трудах наблюдения над образами небесных светил в русской поэзии, что способствовало бы обновлению методологического инструментария, об-

условленного спецификой объекта изучения и требующего использования взаимосвязанных методов, принципов и подходов.

2. Материалы, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Цель статьи — выявление основных исследовательских стратегий анализа космической образности русской поэзии рубежа XVIII—XIX веков. Для достижения поставленной цели в статье решается комплекс научных задач, позволяющих представить целостную историографию вопроса по обозначенной проблеме, а именно: 1) отобрать и систематизировать литературно-критические и научные труды, в которых рассматривается поэтическая репрезентация небесных светил в поэзии рубежа XVIII—XIX веков; 2) выявить магистральные направления в трактовках образа космической вселенной в соответствии с различными этапами развития литературной науки и сложившимися научными подходами; 3) дать оценку существующей методологии интерпретации поэтических произведений рубежа XVIII—XIX веков в аспекте постижения образа космической вселенной. Обращение к анализу различных методологических подходов направлено на обновление инструментария анализа космической образности с позиции корреляции опытного восприятия, воображения, особенностей мировосприятия поэта и национальной картины мира в целом, на восполнение лакун в изучении механизмов поэтического представления образов небесных светил и космических явлений с позиции смены художественных парадигм.

Материалом для настоящего исследования послужили, во-первых, литературно-критические статьи 1820—1830-х годов, в которых в силу общих романтических установок главенствующее место отводилось эстетической и философской составляющим поэтического произведения, что обусловило внимание критиков к особенностям склада мировидения поэта и их художественного метода; во-вторых, исследования литературоведов второй половины XIX—XXI веков, которые посвящены анализу художественного образа в поэтических системах классицизма и романтизма. В соответствии с различными подходами критиков и литературоведов к трактовке космической образности просматриваются три основных направления, составивших основу для объединения оценок и суждений в группы. Первую группу работ составили исследования, связанные с трактовкой образов астрономической вселенной как классицистических эмблем. Заметной фигурой здесь является Г. Р. Державин, творчество которого отмечено использованием многочисленных космических образов, среди них ведущее место отведено солнечной символике. Среди затронутых в этой группе исследований проблем стоит выделить вопрос о космическом образе-эмблеме как символической форме воплощения государственной идеи,

что обусловило функционирование такого образа как маркера одического жанра. В частности, этому вопросу посвящены исследования Н. П. Морозовой [Морозова, 2002], Ю. М. Манна [Морозова, 1976; Манн, 1995], А. Левицкого [Левицкий, 2012] и других исследователей. Генетически такие трактовки восходят к литературно-критическим работам, рассматривающим классицистическую кисть поэта-живописца, как, например, в первом монографическом разборе поэзии Г. Р. Державина, предпринятом Н. А. Полевым [Полевой, 1990].

Вторая группа исследований наиболее обширна: в них представлены наблюдения над космической образностью в романтической эстетике, а их фундамент заложен в романтической критике 1820-х годов. Ведущая проблема в суждениях этой группы связана с трактовкой эстетических особенностей романтического пейзажа в творчестве В. А. Жуковского, для которого ночной пейзаж стал наиболее соответствующим ведущей меланхолической тональности. В частности, эту группу представляют труды А. Н. Веселовского [Веселовский, 1918], В. Э. Вацура [Вацура, 1994], А. С. Янушкевича [Янушкевич, 1995], В. Н. Аношкиной-Касаткиной [Аношкина-Касаткина, 2014] и других исследователей.

Третью группу исследований составили труды, в которых космическая сфера трактуется шире, чем эмблематический образ или типичный элемент романтического пейзажа. Эти исследования развивают идею об онтологической наполненности космических образов, посредством которых в поэзии рассматриваются метафизические основания небесного пространства. Предтечей такой трактовки стали отклики символической и философской критики начала XX века, видевшей в поэзии развернутые философско-романтические картины. Здесь следует выделить исследования И. А. Есаулова [Есаулов, 2016], И. А. Киселевой [Киселева, 2017; Киселева, 2019], Н. А. Поздняковой [Позднякова, 1993] и других ученых.

Методология настоящей статьи основана на использовании историко-функционального подхода, позволяющего выявить основные исследовательские стратегии при изучении образов небесных тел в поэзии классицизма и романтизма, а также подразумевает опору на принципы историзма и системности в представлении тех или иных позиций литературно-критической и литературоведческой мысли XIX—XXI веков.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Космическая образность Г. Р. Державина в оценке критиков и литературоведов

Внимание к космической образности поэзии рубежа XVIII—XIX веков и первые ее оценки, данные в аспекте визуального начала русской

словесности, обнаруживаются уже в литературно-критических разборах 1820—1840-х годов, посвященных поэзии Г. Р. Державина и по-разному ее оценивающих. В восторженных интонациях Н. А. Полевой оценивал эмоционально насыщенный язык оды Державина, сравнивая поэтическое ораторство с красочными картинами («Он весь в картинах: это русский снег, горящий лучами солнца» [Полевой, 1990, с. 183]), природу же называл источником его оригинальной художественной образности («Все его окружающее: солнце, звезды, моря, горы, леса и реки, напояли живым чувством и исторгали гласы его. Вот источник оды» [Там же, с. 188]). Иначе оценивает космическую образность поэзии Державина В. Г. Белинский, связывает ее с данью классицистической традиции. В статье «Сочинения Державина» (1843) критик, не разделяя принципов классицистической эстетики, усомнился в поэтическом мастерстве Державина, заключив в связи с одой «Водопад»: «И неужели дух Потемкина непременно должен обгонять ветер, обозревать царства вдруг, шуметь, блистать, подобно звезде, и сыпать искрами по своему следу? Риторика!» [Белинский, 1981, т. 6, с. 19].

Основной вектор анализа космической образности поэзии Державина в литературоведении сложился вокруг эмблематики как характерной черты классицистической поэтики. Это и справедливо: внимание к эмблематизму, построенному по принципу аллегорических сравнений, многие из которых были новы для литературы, продиктовано особенностями самой поэтической личности Державина, видящего и стремящегося передать мир во всем его многообразии. Именно с открытием для русской поэзии солнца связывает А. А. Бестужев-Марлинский художественный гений Державина, образно заключая: «Так драгоценный алмаз долго еще горит во тьме, будучи напоен лучом солнечным» [Бестужев-Марлинский, 2002, с. 424]. Значимый и частотный для поэзии Державина солнечный свет связывается с классицистической комплиментарностью, образность для которой подсказывала «сама природа» [Западов, 1989, с. 60], Такой пример находим в оде «На рождение в Севере порфирородного отрока», в котором рождение будущего наследника престола (имеется ввиду Александр I) сравнивается с весенним солнцем: «Он возрел, — и солнце красно // Обратилось к весне» [Державин, 2016, т. 5, с. 147]. Подобных необычных сравнений, основанных на уподоблении государственного деятеля солнцу, в поэзии Державина множество, что позволяет говорить о солнце как константной для его творчества эмблеме. В связи с одической восторженностью Н. П. Морозова отметила сопряженность образа солнца в поэзии Державина с личностью Императора Александра I [Морозова, 2002]. Связь эмблематизма образа солнца с одической традицией отражена в работе американского исследователя А. А. Левицкого «Образ солнца в поэзии Державина».

вина» [Левицкий, 2012]. Константным у Державина является и солнечный пейзаж, как указывает Д. Д. Благой, именно солнце являлось источником вдохновения для поэта, само мастерство Державина-живописца исследователь связывает с «подражанием солнцу» [Благой, 1947, с. 410]. В то же время в обозначенных исследованиях литературоведы только фрагментарно затрагивали космическую образность поэзии Державина, фиксировали значение тех или иных эмблем, не обращаясь к целостному их анализу. Подобный подход к трактовке космической образности с позиции близкой к лингвистической методологии представляется вполне закономерным, поскольку изучение одической лексики и стилистики дает ответы на многие теоретические вопросы, касающиеся основных закономерностей репрезентации образов небесных светил в произведениях Державина, но все же в исследованиях отдается предпочтение описанию приемов, систематизации и иллюстрации различных случаев их употребления, толкованию наиболее часто употребляемых образных средств с точки зрения семантики, что представляется недостаточным для раскрытия смысловой наполненности поэтической образности.

В обращениях литературоведов к космической сфере поэзии Державина явственно просматривается и иное направление: исследователи не только затрагивали эстетику космического, но и стремились к постижению философской наполненности образов небесных тел. Сам Державин в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде» (1812) в качестве источника космической образности называет Псалтирь, отмечая согласованность «лиры и псалтири», а обращение к ним связывает с изображением эсхатологических чувствований «войны, морового поветрия и какого-либо иного бедствия, от <...> лица всего народа» [Державин, 2016, т. 5, с. 147]. Обращенность Державина в своем поэтическом творчестве к библейской космологии усматривает критик Н. А. Полевой, отмечая, что «человек в одно время живет идеею неба и идеею земли» [Полевой, 1990, с. 101]. В подкрепление своего суждения Н. А. Полевой обращает внимание на «космическую наполненность» од Державина, воспевшего «и часть человечества, и часть Вселенной» [Там же, 1990]. Метафизические основания поэзии Державина не привлекали внимание критиков, в связи с чем это направление исследований получает свое развитие только в литературоведении Нового времени в разборах его философских од. Е. Я. Данько в работе «Изобразительное искусство в поэзии Державина» (1940) отмечает, что использование поэтом в духовных одах «ярких зрительных образов» [Данько, 1940, с. 183] луны, кометы, вселенной обусловлено самой устремленностью лирического героя Державина к постижению себя через Бога, в то время как смысловая нагрузка образа солнца объяснялась наследо-

ванной поэтом классицистической традицией. Справедливо и суждение Е. Я. Данько, сделанное в связи с вниманием к метеорологии и небесным телам, что, по мнению исследователя, способствовало «открытию другим поэтам глаз на русскую природу» [Там же, с. 183]. Н. А. Позднякова в разборе категории художественного времени в одах «На смерть князя Мещерского» и «Водопад» обращает внимание на «апокалипсические картины конца мира» [Позднякова, 1993, с. 39], что символически было манифестировано путем указания на отсутствие небесных светил на небе («*Без жалости все смерть разит: // И звезды ею сокрушатся, // И солнцы ею потухают*») [Державин, 2016, т. 1, с. 57]), однако развития эта идея не получает, тогда как связь подобной метафоры с библейским Апокалипсисом несомненна. Анализируя оду «Бог», Д. Л. Башкиров связывает с созерцанием вселенной главные идеи стихотворения: размышление человека о своей ничтожности, «соизмеримость Творца и сотворенного и восхищение Им» [Башкиров, 1998, с. 144]. Й. Клейн связывает успех державинской оды с попыткой поэта показать «отношение человека к Богу и его положение во вселенной в соответствии с современным знанием» [Клейн, 2004, с. 127]. И. А. Есаулов отмечает, что в оде посредством «материально зримых метафор» выражена «отвлеченная метафизическая мысль» [Есаулов, 2016, с. 47]. Так, смысловая наполненность образа солнца в поэзии Державина была подчеркнута в статье американского литературоведа А.-Л. Крон, которая отмечает подчиненность «солнечного света мраку вечности», сравнивает движение жизни с солнечной траекторией, приходит к заключению, что поэт стремился «к активному слиянию с богопорядком в природе, к сотворчеству с Богом» [Крон, 1995, с. 270].

Вопрос о литературной преемственности Державина и далее о его влиянии на творчество других поэтов в связи с космической образностью еще не становился предметом специального изучения. В исследованиях, касающихся традиции духовных од Ломоносова в лирических стихотворениях Державина, эта составляющая художественной образности была затронута лишь косвенно. Т. В. Бердниковой отмечена преемственность Державина по отношению к духовным одам Ломоносова, пафос которых связан с прославлением Бога в Его творениях, в том числе воплощенных в зримых зарисовках «картин вселенной» [Бердникова, 2013, с. 232]. В то же время рассмотрение генезиса космической образности Державина представляется продуктивным, в том числе небезосновательно видится сопоставление образов небесных светил в творчестве Державина и Ломоносова, открывшего космос в русской поэзии. В связи с метафизикой неба интерес представляет и сопоставление художественных систем Державина и Лермонтова, которому присущ особый «космизм видения», выразивший-

ся в необычном ракурсе выбранной картины: «поэт изображает землю будто бы из космоса» [Киселева, 2017, с. 99], его взгляд направлен «от Неба к земле, <...> от земли к Небу» [Киселева, 2017, с. 101].

Обобщая наблюдения, сделанные исследователями в связи с использованием образов астрономической вселенной в классицистическом тексте, стоит указать на акцентированную ими заместительную функцию образов солнца, луны и звезд, использованных в одах во вторичном, концептуальном значении для представления основных идейных констант эпохи Просвещения. Единичных наблюдений над особенностями обращения Державина к космическим образам недостаточно, ключевой особенностью его творчества является использование непривычных, многозначных и разнородных символов, требующих прицельного внимания. Будучи значимым подспорьем на уровне сбора и обработки материала, представленные исследования не ставят проблему выявления поэтики космического и моделирования образов небесных светил в русской классицистической поэзии и обнаруживают множество пробелов, требующих дополнительных разысканий.

3.2 Выявление традиций и новаций космической образности в романтической поэзии

Магистральное направление в изучении космической образности в романтической поэзии связано с определением эстетики пейзажа, через который рассматриваются и иные составляющие художественного мира романтизма. Так, И. В. Киреевский отмечает в статье «Нечто о характере поэзии Пушкина» романтический колорит южных поэм Пушкина именно через сравнение с лунным пейзажем: «Между тем как бедные цыганы любят горестно и трудно, их жены, как вольная луна, на всю природу мимоходом изливают равное сиянье» [Киреевский, 1979, с. 45]. В поле зрения Ю. М. Манна наряду с характерной для эстетики романтизма «лунной освещенностью» портрета героя [Манн, 1976, с. 69] попали и особенности солярной символики в романтическом произведении. Исследователь подчеркивает, что солнце и эффект отражения солнца в воде являются «излюбленными аксессуарами романтиков» [Манн, 1995, с. 157]. Д. С. Лихачев называет поток солнечных лучей «необходимым элементом утреннего пейзажа» [Лихачев, 1998, с. 346] в творчестве А. С. Пушкина, а уходящее солнце, нередко появляющееся в элегиях Жуковского, определяет как «великолепное зрелище вечеряющей природы» [Там же, с. 328]. Обновление эстетики пейзажа в это время наблюдается и у Державина, сменившего в своей поздней лирике солнечные картины на ночные пейзажи: «*Но, представляя вечер лунной, // Он тихий голос издает*»; «*В полночь, самой той порою, // Как заснула тишина, // Сребряной на нас рукою // Сыпала свой свет луна*» [Державин, 2016, т. 1, с. 57]. И здесь следует обратиться к во-

просу о литературной традиции, обусловившей появление космической образности в поэзии романтизма.

Начало этим наблюдениям было положено в монографическом исследовании А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения» (1904). Характеризуя атрибуты меланхолии в русской романтической поэзии начала XIX века, А. Н. Веселовский обратил внимание на противопоставление классицистическому золотому солнцу романтического серебряного меланхолического месяца или луны, приверженность романтизма к «картинам унылой, дикой природы с полутонами и полусветом: заходящее солнце, сумерки, настраивающие на грустный лад, луна, прячущаяся за полные слез облака» [Веселовский, 1918, с. 47]. В. А. Западов указал на развернувшийся в начале XIX века спор между Державиным и Жуковским в связи с вопросом о том, что «должен изображать поэт, кто должен быть героем поэтического произведения, как следует относиться к жизни вообще и каким образом изображать природу» [Западов, 1989, с. 150].

В литературоведении вопрос о художественных системах «старших» и «младших» поэтов начала XIX века рассматривался разнонаправленно — говорилось как о влиянии Державина на оформление романтической образности, так и, напротив, о влиянии Жуковского на поэзию Державина. Вопрос этот, несомненно, касался и образов небесных светил, к которым романтики проявляли большой интерес. Появление лунной символики у Державина объясняется возникшими в его художественной системе противоречиями с классицистическими установками, что отмечено в работе И. В. Логвиновой «Г. Р. Державин и романтизм». Исследователь сразу в нескольких одах Державина находит черты романтического мировосприятия и делает вывод о «разрушении одической традиции» [Логвинова, 2014, с. 163], проявившемся в том числе в обращении к образам «луны, таинственной ночи, <...>, красного месяца» [Там же, с. 164]. В. Ф. Ходасевич трактует смысловую нагрузку лунного пейзажа в позднем творчестве Державина в контексте обращения к этому образу как средству раскрытия «глубокой личной правды» [Ходасевич, 1988 с. 185]. Державин, будучи, по мнению Е. А. Маймина, «литературным учителем для романтиков» [Маймин, с. 85], оказал значительное влияние на формирование эстетики романтического пейзажа. И. З. Серман видит безусловное державинское влияние на картины природы в элегии «Вечер» Жуковского: «Эти пейзажи, освещенные то закатным солнцем, то восходящей луной, этот “колеблющийся град”, этот зыблющийся блеск луны написаны, говоря образно, красками с державинской пейзажной палитры» [Серман, 1967, с. 100]. Обнаруживаются и обратные суждения, касающиеся влияния эстетики Жуковского на

поэтическую образность позднего Державина. Об этом пишет Я. К. Грот, указывающий, что «Жуковский находил мысль Державина неясною» [Грот, 1997, с. 503], тогда как романтические тональности поэзии Державина, его «игриво-грациозные образы» [Там же, с. 612] небесных светил в балладе «Царь-девица» появились уже на стыке классицистической и романтической традиции, не без влияния Жуковского. На литературное состязание между Державиным и Жуковским указывает Т. Н. Фрайман, связывающая развитие «оссиановских мотивов и образов» у Державина именно с влиянием Жуковского, и, более того, небезосновательно усматривает созвучие выдержанного в элегической тональности фрагмента державинского «Гимна лиро-эпического на прогнание французов...» с поэтической образностью «Вечера» Жуковского, притом этот фрагмент может быть рассмотрен как своеобразное декларирование отказа Державина от эстетики классицистического солнечного пейзажа: *«Но, солнце! мой вечерний луч! // Уже за холмы синих туч // Спускаешься ты в темны бездны, // Твой туснет блеск любезный»* [Державин, 2016, т. III, с. 149].

Однако, несмотря на многочисленные трактовки взаимовлияния Державина и Жуковского, суждения о космической образности в этой связи немногочисленны, и литературная традиция обращения к образам небесных светил по-прежнему требует целостного рассмотрения. Так, обнаруживается лакуна в изучении поэтических переложений Жуковским картин из Апокалипсиса, наполненных космическими образами, восходящими и к художественному миру философских од Державина, и к более далеким произведениям из древнерусской литературы и художественным сочинениям первой половины XVIII века.

3.3. Изучение ночного пейзажа В. А. Жуковского как постижение метафизических оснований человеческого бытия

Образы солнца, луны, звезды нередко возникали при рассмотрении романтической идеи устремленности лирического героя к недостижимому далекому идеалу, воплощаемому в различных рядах романтических оппозиций, среди которых одно из первых мест занимала оппозиция «земное — небесное». Отдельные дискуссии намечены вокруг смысловой насыщенности категорий «таинственного» и «притягательного» при изображении в романтическом ключе ночной природы. В подробнейшем разборе издания «Баллады и повести В. А. Жуковского» (1831) Н. А. Полевой выводит формульную характеристику романтической эстетики поэта, подчеркивая, что «песнь Жуковского журчит неприметным ручейком и освещается бледным сиянием месяца» [Полевой, 1990, с. 220]. Не находя в поэзии Жуковского оригинальности и народности, но при этом ставя его «Отчет о луне» в «ряд лучших творений» по «задушевности идеи» [Там

же, с. 221], Полевой сомневается в пейзажном мастерстве поэта. Критик, заявляя, что не понимает ночных пейзажей, с позиции наблюдателя картины задается вопросом: «Что за картины природы изображает он? Эта природа мрачная, списанная ночью, при луне, робко прорезывающей изредка бурные облака, и списанная притом с кладбища» [Там же, с. 221]. Причина такой резкой оценки — неприложимость, по мнению Н. А. Полевого, ночного пейзажа, характерного для творчества «певцов Германии» [Там же, с. 222], к русскому мироощущению, непригодность этого образа для художественного представления русской картины мира с присущими ей «образами ясными и светлыми» [Там же, с. 457]. Однако поэтические «Отчеты» о луне и солнце Жуковского нашли среди современников различные отклики, не все они были восторженного толка. В. К. Кюхельбекер, дав им общую положительную оценку, указал на их неоднородность, сославшись на Грибоедова, говорившего о «мозаичской работе», однако заключил: «...но в этой мозаике есть и чистое золото» [Кюхельбекер, 1979, с. 275]. А. И. Тургенев высказался более критично: «Пудра не запылила души его, и деятельность его, кажется, начинает воскресать. Посылаю болтовню его о луне и солнце» [Веселовский, 1918, с. 170]. Спустя время после публикации Жуковским «Отчетов» Н. В. Гоголь первым в литературной критике обратил внимание на красочность в изображении Жуковским небесных светил и восхищенно заключил в своих рассуждениях «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»: «Кто уже мог написать стихотворенье *Отчет о солнце*, где подстережены все видоизменения солнечных лучей и волшебство картин, ими производимых в разные часы дня, равно как с такой же живописной подробностью изобразить в Отчете о луне волшебство лунных лучей, с целым рядом ночных картин, ими производимых, — тот, разумеется, должен был заключить в себе в большой степени свойство *оценивать*» [Гоголь, 1937—1952, т. 8, с. 378].

Начиная с первой половины XX века исследователи, обращаясь к изучению эстетики романтического изображения природы, выделяли лунный пейзаж как специфически романтический. Луну как постоянный элемент романтического пейзажа рассматривает С. Е. Шаталов, определяя ее «непременным свидетелем раздумий элегического героя» [Шаталов, 1988, с. 66]. Наследниками традиции «лунного пейзажа» В. А. Жуковского ученые называли К. Н. Батюшкова, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева. Так, И. А. Станичук проводит параллель между ночными пейзажами В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя в связи с общеромантической тенденцией «глубокой взаимосвязи лирического пафоса и мистических переживаний» [Станичук, 2014, с. 467]. Лунный пейзаж как составляющая идилического топоса в романтической поэзии В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина отмечал

В. Э. Вацуро. Им же лунный пейзаж определен как «эмблематичный» при изображении ситуации трагической любви в поэзии К. Н. Батюшкова, изображающего «погибшего юношу, которого ищет при луне его возлюбленная» [Вацуро, 1994, с. 167]. Аналогичные размышления находим и в фундаментальных работах по истории романтизма Ю. В. Манна, выявившего два излюбленных романтических образа — «образы звездного неба и пения» [Манн, 1976, с. 268], Е. В. Маймина, назвавшего луну и звезды типичными элементами «южного экзотического пейзажа» [Маймин, 2001, с. 47]. Изучая историю возникновения и содержательную наполненность понятия «романтический», А. Н. Николюкин выделяет космические образы наряду с такими природными образами, как «горы, скалы и водопады» [Николюкин, 2003, с. 22]. Проводя параллели между балладным и элегическим творчеством Жуковского и романом «Евгений Онегин», А. С. Янушкевич обобщенно называет лунные картины в поэзии Жуковского «манифестом романтической селенологии» и прослеживает традицию изображения лунных пейзажей от поэзии Жуковского к поэзии символистов [Янушкевич, 1995, с. 54].

Наиболее значительны в аспекте раскрытия смыслов «космических» образов в русской поэзии XIX века исследования В. Н. Аношкиной (Касаткиной), посвященные русскому романтизму. Ею отмечен необычайный интерес романтиков к «непознанным мирам», под которыми понимается «таинственный космический океан — луна, звезды, небесная высь». Исследовательский интерес В. Н. Аношкиной (Касаткиной) привлекла эстетика лунного пейзажа в элегиях и балладах В. А. Жуковского (среди которых «Сельское кладбище», «Вечер», «Славянка», «Золова арфа» и др.). Анализ поэтических зарисовок В. А. Жуковского позволил исследователю выявить основные колориты романтических ночных пейзажей, окрашенных в «матовость звездного мерцания и лунный свет» [Аношкина-Касаткина, 2014, с. 159], определить типичную романтическую ситуацию («человек одинок в большом космическом мире: над ним темное бездонное небо с горящими и безмолвными луной» [Там же, с. 174]) и очертить эстетико-семантический ореол романтического героя, включающий образы луны и воды с их многоплановыми ценностно-семантическими ассоциациями. Ценными наблюдениями В. Н. Аношкиной (Касаткиной) стали сравнения «поведения солнца и луны» [Там же, с. 161] на основе стихотворений В. А. Жуковского и Ф. И. Тютчева, изображающих морскую стихию. Значимым в раскрытии настоящей проблемы явилось и жанровое определение примечательного поэтического сочинения В. А. Жуковского «Подробный отчет о луне», в котором В. Н. Аношкина (Касаткина) усматривает синтез элегии и послания, а также отмечает смысловую доминанту — тягу «человеческой души к небесным явлениям» [Там же, с. 46] как к пути осмысления духовных цен-

ностей. Рассматривая традицию Жуковского-пейзажиста в русской поэзии, исследователь заключает, что «лунно-звездный небесный свет элегий» [Там же, с. 301] лишь отчасти воспроизведен А. С. Пушкиным, образ луны составляет «общие жанровые признаки идиллии» [Там же, с. 379], в то же время глубокие смыслы в его поэзии приобретает образ вечерней звезды.

Обширные исследования, представленные в этой группе работ, доказывают значимость космической образности для эстетики романтического пейзажа. В то же время некоторые аспекты определения функционального спектра космических образов в поэзии различных исторических периодов по-прежнему нуждаются в дополнительном изучении. Так, продуктивным представляется проследить генезис и поэтическую трансформацию образов солнца, луны, звезд от классицистического эмблематизма к символизму, пути их оформления в развернутые философско-романтические картины и пейзажный экфрасис.

4. Заключение = Conclusions

Исследования космических мотивов в русской литературе XVIII—XIX веков не носили системного по отношению ко всему литературному процессу конца XVIII — первой трети XIX веков характера. Несмотря на попытки выявления особенностей языка и стиля русских поэтов, на признание возможности определить солнечную и лунную символику как эстетические константы классицизма и романтизма, все же немногочисленны были исследования, нацеленные на установление своеобразия и закономерностей поэтического мировидения, оформившегося на рубеже XVIII—XIX веков. Можно заключить, что на современном уровне развития филологической науки, несмотря на намеченные в исследованиях различные аспекты изучения образов небесных светил в поэзии Державина и Жуковского, целостного и многостороннего рассмотрения различных граней их «космической» поэзии предпринято не было, между тем литература рубежа XVIII—XIX веков, без сомнения, дает материал, позволяющий судить о важных тенденциях в становлении не только художественного метода и стиля, но и ценностного наполнения поэтических образов, связанных с моделью вселенной, осмысление универсализирующего потенциала которой уже в русской литературной классике виделось принципиально важным.

Источники

1. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений : в 9 т. / В. Г. Белинский. — Москва : Художественная литература, 1981.
2. *Бестужев-Марлинский А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России / А. А. Бестужев-Марлинский // Критика первой четверти XIX века. — Москва : Олимп, 2002. — С. 417—438.

3. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. — Москва : Издательство АН СССР, 1937—1952.
4. *Державин Г. Р.* Собрание сочинений : в 10 т. / Г. Р. Державин. — Москва : Народное образование, 2016.
5. *Киреевский И. В.* Критика и эстетика / И. В. Киреевский. — Москва : Искусство, 1979. — 439 с.
6. *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи / В. К. Кюхельбекер. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд., 1979. — 789 с.
7. *Полевой Н. А.* Литературная критика : Статьи, рецензии 1825—1842 / Н. А. Полевой, Кс. А. Полевой. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — 592 с.
8. *Ходасевич В. Ф.* Державин / В. Ф. Ходасевич. — Москва : Книга, 1988. — 326 с.

Литература

1. *Аношкина-Касаткина В. Н.* Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин / В. Н. Аношкина-Касаткина. — Москва : Московский государственный областной университет, 2014. — 400 с.
2. *Башкиров Д. Л.* Ода Г. Р. Державина «Бог» / Д. Л. Башкиров // Проблемы исторической поэтики. — 1998. — № 5. — С. 140—150.
3. *Благой Д. Д.* Державин / Д. Д. Благой // История русской литературы : в 10 т. — Москва, Ленинград : Издательство АН СССР, 1941—1956. — Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. — 1947. — С. 383—429.
4. *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. Элегическая школа / В. Э. Вацуро. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 240 с.
5. *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» / А. Н. Веселовский. — Петроград : Научное дело, 1918. — 550 с.
6. *Грот Я. К.* Жизнь Державина / Я. К. Грот. — Москва : Алгоритм, 1997. — 685 с.
7. *Данько Е. Я.* Изобразительное искусство в поэзии Державина / Е. Я. Данько // XVIII век : Статьи и материалы. Сборник 2. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1940 — С. 166—247.
8. *Есаулов И. А.* Ода Г. Р. Державина «Богъ» : новое понимание / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2016. — № 14. — С. 45—67. — DOI 10.15393/j9.art.2016.3722.
9. *Западов В. А.* Проблема литературного сервиллизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина / В. А. Западов // XVIII век. Сборник 16 : Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. — 1989. — С. 56—75.
10. *Киселева И. А.* Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система / И. А. Киселева. — Москва : Московский государственный областной университет, 2017. — 178 с.
11. *Киселева И. А.* О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839) / И. А. Киселева // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17, № 4. — С. 91—106. — DOI 10.15393/j9.art.2019.6422.
12. *Клейн Й.* Религия и просвещение в XVIII веке : ода Державина «Бог» / Й. Клейн // XVIII век. Сборник 23. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — С. 126—133.
13. *Крон А.-Л.* «Евгению. Жизнь Званская» как метафизическое стихотворение / А.-Л. Крон // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. — Том IV: Гавриил Державин. 1743—1816. — Нортфилд, Вермонт, 1995. — С. 268—282.
14. *Левицкий А.* Образ солнца в поэзии Державина / А. Левицкий // Русская литература. — 2012. — № 1. — С. 55—65. Russkaya literatura

15. Лихачев Д. С. Поэзия садов / Д. С. Лихачев. — Москва : Согласие, 1998. — 469 с.
16. Логвинова И. В. Г. Р. Державин и романтизм / И. В. Логвинова // Литературоведческий журнал. — 2014. — № 34. — С. 159—166.
17. Маймин Е. А. О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой : Путь писателя. Воспоминания. Переписка / Е. А. Маймин. — Псков : Псковская историческая библиотека, 2015. — 904 с.
18. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма / Ю. В. Манн. — Москва : Аспект-пресс, 1995. — 380 с.
19. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма / Ю. В. Манн. — Москва : Наука, 1976. — 375 с.
20. Морозова Н. П. О стихотворении Г. Р. Державина «К царевичу Хлору» / Н. П. Морозова // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. — 2002. — № 1. — С. 58—65.
21. Николукин А. Н. О русской литературе : Теория и история / А. Н. Николукин. — Москва : ИНИОН РАН, 2003. — 559 с.
22. Позднякова Н. А. Образ художественного времени в поэзии Г. Р. Державина / Н. А. Позднякова // Г. Р. Державин : личность, творчество, современное восприятие : Тезисы Международной научной конференции. — Казань : Казанский университет, 1993. — С. 39.
23. Серман И. З. Державин / И. З. Серман. — Ленинград : Просвещение. Ленингр. отделение, 1967. — 119 с.
24. Станичук И. А. Поэтика лунного света в произведениях Н. В. Гоголя / И. А. Станичук // Вестник Тверского государственного университета. — 2014 — № 3. — С. 467—472.
25. Фрайман Т. Н. Державин и Жуковский. К вопросу о творческом наследовании [Электронный ресурс] / Т. Н. Фрайман. — Режим доступа : <http://zhukovskiy.lit-info.ru/zhukovskiy/kritika/frajman-derzhavin-i-zhukovskij.htm> (дата обращения 27.10.2023).
26. Шаталов Е. С. Характерология элегий и баллад Жуковского (к вопросу о единстве художественного мира поэта) / Е. С. Шаталов // Жуковский и литература конца XVIII—XIX века : сборник статей. — Москва : Наука, 1988. — С. 48—69.
27. Янушкевич А. С. Мотив луны и его русская традиция в литературе XIX века / А. С. Янушкевич // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы. — Новосибирск : Сибирское отделение РАН, 1995. — С. 53—61.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023,
одобрена после рецензирования 06.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

- Belinskiy, V. G. (1981). *Collected works in 9 volumes*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
- Bestuzhev-Marlinskiy, A. A. (2002). A look at old and new literature in Russia. In: *Criticism of the first four of the twentieth century*. Moscow: Olimp. 417—438. (In Russ.).
- Derzhavin, G. R. (2016). *Complete works: in 10 volumes*. Moscow: Narodnoe obrazovanie. (In Russ.).
- Gogol, N. V. (1937—1952). *Complete works: in 14 volumes*. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).

- Khodasevich, V. F. (1988). *Derzhavin*. Moscow: Kniga. 326 p. (In Russ.).
- Kireevskiy, I. V. (1979). *Criticism and Aesthetics*. Moscow: Iskusstvo. 439 p. (In Russ.).
- Kyukhelbeker, V. K. (1979). *Journey. Diary. Articles*. Leningrad: Nauka. Leningrad branch. 789 p. (In Russ.).
- Polevoy, N. A., Polevoy, Ks. A. (1990). *Literary criticism: Articles, reviews 1825—1842*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 592 p. (In Russ.).

References

- Anoshkina-Kasatkina, V. N. (2014). *Russian romanticism. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet. 400 p. (In Russ.).
- Bashkirov, D. L. (1998). Ode by G. R. Derzhavin “God”. *The problems of historical poetics*, 5: 140—150. (In Russ.).
- Blagoy, D. D. (1947). Derzhavin. In: *History of Russian literature: in 10 volumes. Vol. IV: Literature of the 18th century*. Moscow, Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 383—429. (In Russ.).
- Danko, E. Ya. (1940). Fine arts in Derzhavin's poetry. In: *XVIII century: Articles and materials. Collection 2*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 166—247. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2016). Ode by G. R. Derzhavin “God”: a new understanding. In: *The problems of historical poetics*, 14: 45—67. DOI 10.15393/j9.art.2016.3722. (In Russ.).
- Frayman, T. N. *Derzhavin and Zhukovsky. On the issue of creative inheritance*. Available at: <http://zhukovskiy.lit-info.ru/zhukovskiy/kritika/fracman-derzhavin-i-zhukovskij.htm> (accessed 27.10.2023). (In Russ.).
- Grot, Ya. K. (1997). *Derzhavin's life*. Moscow: Algoritm. 685 p. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A. (2017). *The work of M. Yu. Lermontov as a religious and philosophical system*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet. 178 p. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A. (2019). On the semantic integrity of the definitive text of the poem “Demon” by M. Yu. Lermontov (1839). *The problems of historical poetics*, 17 (4): 91—106. DOI 10.15393/j9.art.2019.6422. (In Russ.).
- Kleyn, Y. (2004). Religion and enlightenment in the 18th century: Derzhavin's ode “God”. In: *XVIII century. Collection 23*. St. Petersburg: Nauka. 126—133. (In Russ.).
- Kron, A.-L. (1995). «Evgeniyu. Zhizn' Zvanskaya» as a metaphysical poem. In: *Norwich symposia on Russian literature and culture. Volume IV: Gavriil Derzhavin. 1743—1816*. Nortfield, Vermont. 268—282. (In Russ.).
- Levitskiy, A. (2012). The image of the sun in Derzhavin's poetry. *Russkaya literature*, 1: 55—65. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1998). *Poetry of the gardens*. Moscow: Soglasie. 469 p. (In Russ.).
- Logvinova, I. V. (2014). G. R. Derzhavin and romanticism. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 34: 159—166. (In Russ.).
- Maymin, E. A. (2015). *About Russian romanticism; Russian philosophical poetry; Lev Tolstoy: The Writer's Path. Memories. Correspondence*. Pskov: Pskovskaya istoricheskaya biblioteka. 904 p. (In Russ.).
- Mann, Yu. V. (1976). *Poetics of Russian Romanticism*. Moscow: Nauka. 375 p. (In Russ.).
- Mann, Yu. V. (1995). *Dynamics of Russian Romanticism*. Moscow: Aspekt-press. 380 p. (In Russ.).
- Morozova, N. P. (2002). About the poem by G. R. Derzhavin “To Prince Chlorus”. In: *Readings of the Department of Russian Literature of the 18th Century. 1*. 58—65. (In Russ.).

- Nikolyukin, A. N. (2003). *About Russian literature: Theory and history*. Moscow: INION RAN. 559 p. (In Russ.).
- Pozdnyakova, N. A. (1993). The image of artistic time in the poetry of G. R. Derzhavin. In: *G. R. Derzhavin: personality, creativity, modern perception: Abstracts of the International Scientific Conference*. Kazan: Kazanskiy universitet. 39. (In Russ.).
- Serman, I. Z. (1967). *Derzhavin*. Leningrad: Prosveshchenie. Leningrad branch. 119 p. (In Russ.).
- Shatalov, E. S. (1988). Characterology of Zhukovsky's elegy and ballads (to the question of the unity of the poet's artistic world). In: *Zhukovsky and literature of the late 18th-20th centuries: collection of articles*. Moscow: Nauka. 48—69. (In Russ.).
- Stanichuk, I. A. (2014). Poetics of moonlight in the works of N. V. Gogol. *Bulletin of Tver State University*, 3: 467—472. (In Russ.).
- Vatsuro, V. E. (1994). *Lyrics of Pushkin's time. Elegiac school*. St. Petersburg: Nauka. 240 p. (In Russ.).
- Veselovskiy, A. N. (1918). *V. A. Zhukovsky. Poetry of feeling and "heartfelt imagination"*. Petrograd: Nauchnoe delo. 550 p. (In Russ.).
- Yanushkevich, A. S. (1995). The moon motif and its Russian tradition in twentieth-century literature. In: *The role of tradition in the literary life of the era. Plots and motives*. Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie RAN. 53—61. (In Russ.).
- Zapadov, V. A. (1989). The problem of literary servility and amateurism and the poetic position of G. R. Derzhavin. In: *XVIII century. Collection 16: Results and problems of studying Russian literature of the 18th century*. Leningrad: Nauka. Leningrad branch. 56—75. (In Russ.).

*The article was submitted 29.10.2023;
approved after reviewing 06.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*